

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.3.4>

UDC 902:904:393:395:7.032:7.04
LBC 63.4(2).85.12

Submitted: 05.02.2021
Accepted: 12.03.2022

**STATUS ITEMS FROM THE CRYPT “KAMENNAYA MOGILA” (STONE GRAVE)
OF THE 3rd – 2nd CENTURIES BC
(SOUTHERN OUTSKIRTS OF ZHELEZNOVODSK)**

Yury A. Prokopenko

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the analysis of objects discovered during the excavation of the “Kamennaya mogila” (Stone Grave) kurgan on Medovaya mountain (southern outskirts of Zheleznovodsk). **Methods and materials.** The comparative typological method was used as a worker. It is based on classification by material, processing method, shape, ornamentation, as well as on the study of types of gold jewelry, glass and black-glazed dishes, bronze horse plate foreheads and cheek pads, etc. **Analysis.** The typological and chronological analysis was carried out on gold jewelry (plaques, rings, pendants), antique ceramic and glassware, items of horse dress and weapons. Analogies to imported items from the crypt, found in the monuments of ancient culture and in the burials of the barbarian nobility, allow them to be dated to the 4th – 2nd centuries BC. Items of equestrian dress and weapons date back to the 3rd – 2nd centuries BC. **Results.** The author, regarding the social structure of the local population, ranked the monument as stratum No. 2 (nobility of the first level). A complex burial structure of the tomb with a significant number of ritual offerings is recorded. Burial items have numerous analogies in the status burials of the Bosporan, Meotian and Scythian nobility of the Northern Black Sea region and the North Caucasus of the 4th – 2nd centuries BC. The sophisticated frame structure of the horse harness made of iron parts from the crypt of the Stone Grave is unique. Only a member of the nobility with a very high status could afford such a special bridle as a ritual offering.

Key words: Central Caucasus, crypt, sacrificial offerings, know, decorations, horse harness items.

Citation. Prokopenko Yu.A. Status Items from the Crypt “Kamennaya Mogila” (Stone Grave) of the 3rd – 2nd Centuries BC (Southern Outskirts of Zheleznovodsk). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 3, pp. 56-73. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.3.4>

УДК 902:904:393:395:7.032:7.04
ББК 63.4(2).85.12

Дата поступления статьи: 05.02.2021
Дата принятия статьи: 12.03.2022

**СТАТУСНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ СКЛЕПА III–II вв. ДО н. э.
«КАМЕННАЯ МОГИЛА» (ЮЖНЫЕ ОКРЕСТНОСТИ г. ЖЕЛЕЗНОВОДСКА)**

Юрий Анатольевич Прокопенко

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу предметов, обнаруженных в процессе раскопок кургана «Каменная могила» на горе Медовая (южные окрестности г. Железноводска). Типологическому и хронологическому анализу были подвергнуты золотые украшения (бляшки, перстень, подвеска), керамическая и стеклянная посуда античного производства, предметы конского убора и вооружения. Аналогии импортным предметам из склепа, выявленные в памятниках античной культуры и в захоронениях варварской знати, позволяют их датировать IV–II вв. до н. э. Предметы конского убора и вооружение датируются III–II вв. до н. э. Автор относительно социальной структуры местного населения причислил памятник к страте № 2 (знать первого уровня). Фиксируется сложная погребальная конструкция гробницы со значительным количеством ритуальных приношений. Предметы погребального инвентаря имеют многочисленные аналогии в

статусных захоронениях боспорской, меотской и скифской знати Северного Причерноморья и Северного Кавказа IV–II вв. до н. э. Сложная в исполнении каркасная конструкция конского убора из железных деталей из склепа «Каменная могила» является уникальной. Такую особую узду мог позволить себе только представитель знати, имеющий очень высокий статус.

Ключевые слова: Центральное Предкавказье, склеп, жертвенные приношения, знать, украшения, предметы конской упряжи.

Цитирование. Прокопенко Ю. А. Статусные предметы из склепа III–II вв. до н. э. «Каменная могила» (южные окрестности г. Железноводска) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 56–73. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.3.4>

Введение. Во второй половине 90-х гг. XX в. в южных окрестностях центральной части г. Железноводска на горе Медовой местными жителями начал раскапываться разрушенный курган «Каменная могила». В течение 1998–2001 гг. как минимум трижды памятник подвергался разграблению. Местные энтузиасты пытались организовать его охрану, выясняли судьбу обнаруженных здесь предметов. Благодаря самоотверженным усилиям городских краеведов часть выявленных материалов попала на хранение в Железноводский краеведческий музей, в том числе и статусные предметы, свидетельствующие о высоком социальном статусе погребенных в кургане.

В ходе грабительских раскопок был частично очищен от земли находящийся в центре насыпи многокамерный склеп из стоящих вертикально крупных каменных плит (многие находятся в поваленном состоянии) крестообразной конструкции [24, рис. 90,5]. Вокруг кургана (Д¹ – 15 м) выявлен вал в плане овальной формы, вытянутой по линии север – юг (53 × 30 м). Подкурганый склеп расположен в южной части контура вала (в 8 м от его края).

Методы. В качестве рабочего использован сравнительно-типологический метод. Он основан на классификации по материалу, способу обработки, форме, орнаменту, а также на исследовании типов золотых украшений, стеклянной и чернолаковой посуды, бронзовых конских пластинчатых налобников и нащечников и др. Сравнительный анализ бляшек, перстней, подвесок и деталей конского убора из склепа «Каменная могила» и подобных, обнаруженных в захоронениях боспорской, скифской и меотской знати IV–II вв. до н. э., выявленных на территории Северного Причерноморья, Крыма и Прикубанья, позволяет оха-

актеризовать курган на горе Медовой как семейную усыпальницу представителей знати, имеющих в иерархии местного общества самый высокий статус.

Анализ. В камере склепа, в насыпи кургана и в пространстве внутри вала выявлено значительное количество предметов: украшений, предметов вооружения, конского убора и др. В числе жертвенных приношений следует отметить: 1) бронзовый конский налобник (найден в юго-западном секторе кургана на глубине 1 м); 2) железный нож с зооморфным навершием (северный край насыпи кургана); 3) меч без перекрестия с серповидным навершием; 2 железных дротика и 2 наконечника копья (в 10 м западнее северного края насыпи кургана); 4) не менее 8 бронзовых конских налобников и 2 бронзовых конских нащечника (в 12 м юго-западнее насыпи кургана); 5) конская узда из железных деталей (южное подножие насыпи); 6) около 50 комплектов железных удил (25–20 м к северу от насыпи кургана). По периметру окружности вала также располагались отдельные комплекты железных удил.

В камере гробницы были выявлены разнообразные виды украшений, керамической и стеклянной посуды:

1. Три штампованные бляшки квадратной формы из золотой фольги (ОФ 2846/3–2846/5)*. Размеры: 31 × 31 (рис. 1,1); 31 × 31 (сохранилась частично) (рис. 1,2); 24 × 24 (рис. 1,3). На бляшках в квадратной рамке, декорированной псевдозернью, изображена морская нимфа nereida верхом на гиппокампе (морское чудовище – конь с рыбьим хвостом). Нимфа (в фас) очень схематично изображена сидящей боком. Овал вокруг лица (капюшон туники?), поперечные складки на поясе и в нижней части ног, возможно, подчер-

кивают изгибы широкой туники – столы. В левой руке нимфа держит лук, правой опирается на круп чудовища, изображенного в профиль. Также схематично оформлена голова гиппокампа – подпрямоугольной формы с выемками на месте рта и глаза. Передние конечности чудовища (показаны редуцированно) загнуты, упираются в левую перекладину рамки. Его хвост, закрученный в кольцо, поднят вертикально (касается правой перекладины рамки). В углах рамки фиксируются отверстия (для пришивания?).

Данные изображения иллюстрируют античный сюжет, связанный с морской нимфой Фетидой. Она рождает прославленного героя Ахилла. Когда он теряет доспехи, Гефест, по просьбе Фетиды, изготавливает новые, и Фетида доставляет их сыну [11].

Ахилл – божество, связанное как с морем, так и со смертью. Изображения nereиды также связаны со смертью. Они отмечены в погребальном костюме умерших и в качестве декоративной детали саркофагов. Аналогичные образы везущих оружие Ахиллу nereид на украшениях представлены в склеповых комплексах боспорской знати IV в. до н. э. (височные подвески и бляшки из погребений Большой Близницы (склеп № 1 – 2 височные подвески, склеп IV – 12 бляшек) [3, с. 3]. Предполагается семантическая связь этих изображений с представлениями о морском путешествии умершего в страну мертвых [33, с. 388].

Следует отметить, что в случае с бляшками из Каменной могилы Фетида везет вместо доспехов лук. Видимо, это связано с более поздней (III в. до н. э.) варварской трактовкой античного мифа. Размываются причинно-следственные связи сюжета.

Образы, связанные с хтоническим миром (гиппокамп, Медуза горгона и грифоны), использовались в качестве декорирования погребального костюма. Например, в Большом Рыжановском кургане IV в. до н. э. края накидки на калафе умершей были украшены рядами золотых бляшек с изображениями Медузы горгоны [29, с. 287, рис. 188, 146].

Также следует отметить комплекс золотых бляшек с изображениями гиппокампа, грифона и богини (Деметра или Кора-Персефона), украшавших погребальный костюм (видимо, украшения калафа и детали ожерелья)

знатной женщины из кургана 6 могильника Водославка [13, с. 194, рис. 7; с. 207, рис. 10].

Ряды бляшек с грифонами украшали края накидки на калафе погребенной из кургана 8 курганной группы «Пять братьев» у ст-цы Елизаветовской [30, с. 80, цв. вкладка 1].

Скорее всего, ряды из бляшек с образом Фетиды на гиппокампе также располагались вдоль краев накидки головного убора знатной представительницы местного населения. Интересно, что образы Медузы горгоны, Кору-Персефоны и Фетиды на гиппокампе характерны и для украшения античных саркофагов.

2. Штампованная бляшка прямоугольной формы из золотой фольги (ОФ 2846/6). Размеры – 3,2 × 3,5 см. На бляшке в рамку из рубчатого канта вписана восьмилучевая розетка (рис. 1,4).

Бляшки с подобными изображениями, возможно детали украшения женского головного убора, известны в статусных погребениях населения Предкавказья IV в. до н. э. В частности, такая золотая бляшка прямоугольной формы со вписанной в контур рубчатого кантика восьмилучевой розеткой зафиксирована в материалах 5-го Уляпского кургана [19, с. 67, рис. 3, 8]. Данный подкурганый культовый комплекс был сооружен в IV в. до н. э. [20, с. 7].

3. Три фрагмента из золотой фольги (обкладка деревянной чаши или детали женского головного убора?) (ОФ 2846/9–2846/11) (рис. 1,7,9,10).

4. Пять фрагментов из золотой пластинки со штампованным декором в виде выпуклых полусфер (обкладка деревянной чаши или детали женского головного убора?) (ОФ 2846/7, 28446/8, 2846/12–2846/14) (рис. 1,8,11–14).

5. Кольцо – перстень с щитком овальной формы. На него напаян каст с каменной вставкой (золото – проба 990) (ОФ 2846/1) (рис. 1,6). Размеры: 16 × 18 мм. Вставка из халцедона серо-зеленого цвета (имеет сколы и трещину). Вертикальный бортик каста состоит из двух параллельных золотых жгутиков, декорированных косой насечкой. Предмет носился на пальце посредством двух дужек из изогнутых узких пластинок, припаянных к касту с одной стороны.

По сведениям О.Я. Неверова, значительная группа золотых перстней IV в. до н. э.

из Северного Причерноморья может быть приписана местным мастерским. Такие перстни – «понтийские», имеют характерный признак – несомкнутую дужку, позволяющую менять размер кольца. Исполнявшиеся для далеко живущих кочевников, они должны были подойти на любой палец. В скифском мире, не знающем развитого института собственности, отношение к перстню было совсем иным, чем у греков. Здесь он не был печатью в первую очередь, а скорее – чисто репрезентативным украшением, подчеркивавшим социальное положение его владельца [21, с. 32–34].

Следует отметить, что халцедон считался престижным материалом для использования в украшениях. В частности, из халцедона создавал свои геммы в V в. до н. э. знаменитый резчик Дексамен Хиосский [21, с. 22–25]. Золотые перстни, имеющие вставки из халцедона (скарабеи и др.), использовались в IV – начале III в. до н. э. представителями боспорской знати. Например, в вышеотмеченном склепе № 4 кургана Большая Близница два таких перстня находились в комплексе с 12 бляшками с изображением nereиды на гиппокампе [3, с. 73]. Перстень-скарабеоид с овальной вставкой из голубого халцедона обнаружен в процессе исследования феодосийского некрополя (раскопки А.К. Айвазовского 1853 г.) [32, с. 68, рис. 10].

Камни из халцедона носили как талисманы, предохраняющие от душевных заболеваний и депрессий [12, с. 162–163]. Также он считался камнем любви, привлекающим к женщине сердца мужчин [8, с. 210]. У местной «варварской» знати данный камень, видимо, был в числе почетных украшений и амулетов. Например, гемма из халцедона с изображением грифона находилась в числе других украшений в богатом погребении Курджипского кургана последней четверти IV в. до н. э. [7, с. 55, 88].

6. Подвеска из пластины овальной формы с припаянными двумя петлями на оборотной стороне (золото: щиток – проба 990; петли – 970) (ОФ 2846/2) (рис. 1, б). Размеры: 15 × 23 мм. Возможно, это верхняя часть серьги (нижняя фигурка утеряна). Предмет имеет вертикальный рубчатый бортик. Подвеска декорирована ажурной композицией. В центре овала пластины напаяна двурядная

розетка. Верхним выступающим ярусом является рельефная шестилучевая розетка. Ее лепестки оконтурены золотой провололочкой. Нижний ярус представляет также шестилучевая розетка большего диаметра. Ее контур сформирован золотой провололочкой, напаянной на пластину (лепестки выступают за края розетки верхнего яруса). Пространство между краями лепестков и бортиком украшено восемью спиралевидными завитками из золотой проволоочки, декорированной насечками. Между каждыми двумя завитками расположены уголки из двух таких же провололочек.

Подобные двурядные розетки являются деталью ряда украшений, обнаруженных в ходе раскопок А.К. Айвазовского в Феодосии в 1853 году. В частности, они использованы в качестве декора знаменитых золотых серег. Здесь центральная ладьевидная часть композиции окаймлена по низу поясом из аналогичных розеток. В обнаруженном в памятнике золотом ожерелье три яруса амфоровидных привесок сверху венчает пояс из таких же розеток. Также подобная деталь использована для украшения подвески в виде сидящего сфинкса [32, с. 55, рис. 2; с. 56, рис. 5–7].

Большинство исследователей датируют данные материалы (серьги и ожерелье) в пределах от третьей четверти IV до рубежа IV–III вв. до н. э. [32, с. 63]. Однако, по мнению М. Пфроммера, выделенный им второй комплекс № 2 (FK 170) относится к середине III в. до н. э. [35, S. 201, 288, Taf. 28, 1; 31, 12].

В IV – начале III в. до н. э. украшения с двурядными розетками распространяются у представителей знати населения Предкавказья. Например, в состав погребального инвентаря Курджипского кургана входили детали поясных украшений, декорированных подобными розетками. Они отличаются наличием на лепестках верхнего яруса эмалевых вставок [7, с. 85].

Технология украшения изделия спиралевидными завитками также является обычной для данного периода. В частности, таким образом – спиральным узором из напаянной проволоки – было декорировано тулово золотой калачиковидной серьги, обнаруженной в могильнике у хут. Херсонка (Буденновский муниципальный округ Ставропольского края). Серьги этого типа были характерны для скифских племен IV–III вв. до н. э. [2, с. 40, рис. 4, 9].

7. Разнообразные бусы (в том числе бисер) округлой, цилиндрической, шайбовидной формы из глухого синего стекла, глухого темно-коричневого стекла, глухого оранжевого стекла, глухого голубого стекла, глухого белого стекла, прозрачного стекла, из глухого черного стекла с желтым спиралевидным орнаментом и др. (экспозиция Железноводского краеведческого музея).

8. Чернолаковая чашка на высокой ножке (поддоне) с загнутым наружу (опрокинутым) венчиком (сохранилась частично). Тарелка, покрытая блестящим черным лаком (буровато-зеленого отлива, по мнению О.В. Горской)**. Д – 25 см; Д поддона – 12,6 см (рис. 2, 25). Внутренняя поверхность сосуда украшена штампованным орнаментом – четырьмя окружностями, выполненными «насечкой».

По материалам афинской агоры, чашки, покрытые аналогичным лаком, датируются 225–175 гг. до н. э. [36, № 879]. Внутренняя поверхность сосуда украшена штампованным орнаментом – четырьмя окружностями, выполненными «насечкой». Аналогично орнаментированные сосуды датируются рубежом IV–III вв. до н. э. [36, № 869]. К сожалению, часть сосуда разрушена, поэтому неясно, были ли вписаны в центр окружности пальметки или он оставался неорнаментированным. Подобный орнамент (в двойное кольцо из насечки вписаны дуги с пальметками на концах) отмечен на тарелке из Закубанья (фонды Армавирского краеведческого музея). Сосуд датируется серединой – 3-й четвертью IV в. до н. э. [17, с. 37, рис. 5]. Еще одна тарелка с аналогичным орнаментом происходит из кургана Карагодеуаш.

В памятниках региона представлены и более поздние чернолаковые миски со штампованным орнаментом на внутренней стороне дна. В частности, в богатом погребении 140 Тенгинского грунтового могильника два таких сосуда датируются 225–175 гг. до н. э. [5, с. 168].

9. Набор разнообразных стеклянных сосудов. Выявлены: два фрагмента от фиалы, орнаментированной каннелюрами и выпуклыми горизонтальными желобками (предположительный Д – 14,2 см) (рис. 2, 1); фрагмент от литой чаши со слегка отогнутым венчиком из мутного стекла; фрагмент поддона от литого

сосуда (скифоса?) (рис. 2, 4); пять фрагментов зеленого стекла от тонкостенных литых сосудов. Здесь же находились три фрагмента полихромного стекла: один от тонкостенного флакона, орнаментированного с внешней стороны каннелюрами; два другие похожи на выдувные*** (рис. 2, 3–24).

Скорее всего, сосуды из стекла не попали в камеру склепа одновременно, а являются результатом смешения инвентаря разновременных захоронений. Наиболее ранней в перечисленном наборе следует считать фиалу (2 фрагмента), орнаментированную каннелюрами и выпуклыми горизонтальными желобками. В Прикубанье известны три находки подобных сосудов. Фрагменты от двух фиал выявлены в основном погребении Курджипского кургана (рис. 2, 2). Третий экземпляр выявлен в богатом погребении № 652з (вторая четверть IV в. до н. э.) могильника Старокорсунского городища № 2 [16, с. 76, 83, рис. 1, 2] (рис. 2, 3).

Глубокий анализ литературы, посвященной переднеазиатским стеклянным сосудам, аналогичным курджипским, дал основание Л.К. Галаниной утверждать, что производство стекла с резным декором в регионе (Западная Персия, Месопотамия, Сирия, Египет) возникло в конце VI или в начале V в. до н. э., но особенно популярным становится в IV в. до н. э. и затем продолжает употребляться вплоть до первой половины III в. до н. э. [6, с. 40]. В каталоге подобных сосудов, проанализированных А. Салдерном, чаши с резным орнаментом (по его мнению, производившиеся в мастерских государства Ахеменидов) вошли в позднюю группу IV – первой половины III в. до н. э. [37, р. 7–14, pl. 1, 1, 2].

Однако чаши из Курджипса и Старокорсунской не идентичны. Во втором случае при общем внешнем сходстве профиль сосуда более глубокий. На этом основании, а также ввиду присутствия двухуровневой композиции орнамента Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко отнесли фиалу из Старокорсунской к продукции ахеменидских мастерских, завозившейся в Македонию. Здесь такие чаши во второй – третьей четверти IV в. до н. э. до конца IV в. до н. э. пользовались большой популярностью [16, с. 83–85]. Следует отметить, что особенности частично восстановленного профиля

сосуда из «Каменной могилы» позволяют его отнести к глубоким чашам, подобным старокорсунской.

Фрагмент литой чаши со слегка отогнутым венчиком из мутного стекла датируется эллинистическим временем – III–II вв. до н. э.² Здесь же зафиксирован фрагмент поддона от литого сосуда, видимо скифоса. В погребениях Прикубанья такие сосуды производства малоазийских мастерских (все типы) датируются второй половиной II в. до н. э. – первой половиной I в. н. э. [15, с. 115–116, 176, рис. 35].

В склепе также найдены 5 фрагментов зеленого стекла от тонкостенных сосудов, по определению Н.З. Куниной – литых, эллинистического времени (последних веков до н. э.)³. Литые чаши, близкие по цвету, отмечены в серии сирийско-палестинского стекла середины II – начала I в. до н. э. [34, р. 205, 206, № 214, 217, 219]. Также следует отметить, что происходящий из камеры склепа полихромный фрагмент тонкостенного флакона, имеющий с внешней стороны каннелюры, скорее всего этого же времени.

Кроме украшений и импортных сосудов, в числе престижных следует отметить некоторые детали конского убора и оружия, выявленных в указанных выше жертвенных комплексах.

10. Конские налобники, вырезанные из листа бронзы, – пластины сложной конфигурации (9 экз.):

1) трапеция, соединенная с окружностью; верхняя часть предмета оформлена в виде окружности, нижняя веерообразно расширяется (боковые стороны вогнуты) – тип I, подраздел II согласно моей классификации [23, с. 261] – 4 экз. (в том числе один во фрагментарном состоянии). Размеры: Дл – 34 см; Д верхней части – 18,3 см; максимальная Ш нижней части – 20 см. Верхняя окружность пластины украшена врезными концентрическими окружностями с рельефным умбоновидным выступом в центральной части (он также декорирован окружностями). Ее край венчает петля для ремня из бронзовой пластинки прямоугольной формы (крепится к основе двумя округлыми заклепками). Нижний край трапециевидной пластины округлый или прямой. На обратной стороне пластины размещена скоба для ремня. В местах, где верхняя часть

сужается (переходит в трапециевидную) слева и справа, находятся небольшие выступы-окружности, декорированные в центре полусферическим выступом (рис. 3,1,2,4). Один экземпляр имеет следы обряда «умерщвления души вещи». Его верхняя часть по окружности пробита четырехгранным предметом; нижняя – уплощенным заостренным орудием (копье?);

2) две трапеции, соединенные вместе зауженными частями: веерообразно расширены и нижняя часть, и верхняя – тип II по моей классификации. Размеры: Дл – 32–34 см; Д верхней части – 23–25 см; максимальная Ш нижней части – 23–24 см. Петли для ремня расположены аналогично типу I – 5 экз. (два во фрагментарном состоянии) (рис. 3,3,5).

В памятниках Прикубанья представлены подобные бронзовые налобники обоих типов. Здесь такие предметы встречены в погребениях грунтовых могильников (могильник Старокорсунского городища № 2, погребения № 65, 111, 240 могильника у селища № 5 хут. им. Ленина, Усть-Лабинский могильник и др.), а также в ряде кубанских курганов второй половины IV – III в. до н. э.: Говердовском, Начерзийском кургане № 30, Ново-Николаевском I курганном могильнике, в кургане у ст-цы Пластуновской, в кургане на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища [4, с. 161; 9, табл. 6,1; 14, с. 50, рис. П,2,6; 18, с. 77; 26, табл. 13].

Аналогичные налобные пластины выявлены в памятниках Крыма и Северного Причерноморья. Отмечено, что находки у Острога, Никополя, Чистенького, в Глином и Гэвань демонстрируют детали специфического конского убора, бытовавшего в III–II вв. до н. э. на Северо-Западном Кавказе [10, с. 50; 28, с. 34, рис. 6].

11. Конские нащечники, вырезанные из листа бронзы в форме вытянутой неправильной трапеции, – 2 экз, тип I нащечников согласно моей классификации. Размеры совпадают с налобниками: Дл 34–35 см, наибольшая Ш – 12 см. Узкая часть пластины понизу оформлена тремя полукруглыми выступами, декорированными рельефными миниатюрными полусферами. Поверхность пластины также украшена тремя подобными полусферами (две на широкой части и одна на узкой части

пластины) (рис. 4,2). Вокруг них врезаны окружности. На верхнем прямом крае фиксируются три петли, прикрепленные к пластине посредством двух заклепок. Оба экземпляра нащечников были подвержены обряду умерщвления души вещи. Фиксируются продольные и поперечные следы от ударов рубящего орудия (меч?).

Близким по аналогиям нащечным пластинам из склепа «Каменная могила» является комплект из склепа № 1 могильника № 2 Татарского городища III – начала II в. до н. э. [24, рис. 132, I, 2], а также подобные предметы из кургана на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Совпадают их размеры и орнаментация (погр. 10, 21 и др.) [18, с. 4; 26, с. 59, 84, табл. 13, I; табл. 38, 5]. Отличает их наличие трех округлых выступов в расширенной части у последних. Следует отметить, что сопутствующий пластинам инвентарь (бронзовые налобники, удила с устражающими насадками, двудырчатые псалии и др.) полностью повторяет конский убор из ритуальных скоплений вокруг склепа «Каменная могила».

Форма нащечных пластин из склепа «Каменная могила» также напоминает контур нагрудной пластины из ритуального комплекса № 1 Тенгинского могильника (нагрудник отличается только размерами – шире и длиннее на 10 см). На основании перекрестных датировок многих предметов (унгвентарии, чернолаковые сосуды, стеклянный канфар и пр.) данный тризновый комплекс автор раскопок Е.А. Беглова датирует первой четвертью II в. до н. э. [4, с. 159]. Наиболее близкой аналогией этому нагруднику являются пластины, найденные Н.И. Веселовским в конской гробнице первого склепа Васюриной горы на Тамани [27, табл. XIX]. Детали конского убора, сопутствующие нагруднику, позволяют датировать его III–II вв. до н. э.

12. Цельная конская узда, составленная из железных деталей: удила, псалий, стержней, дуги и др. (рис. 5, I) [22, с. 6].

В ее состав входят железные кольчатые двусоставные удила, выполненные в техникековки из прямоугольного в сечении прута (Д – 0,7–0,8 см). Дл удила: № 1 – 11,5 см; № 2 – 11,3 см. Обе детали удила имеют крестовидную насадку – железный прямоугольник, каж-

дая вершина которого заканчивается уплощенной загнутой под прямым углом лопастью топориковидной формы. На загнутой части лопастей имеются четыре выступа, видимо предназначенные для усиления строгости удила (рис. 5, 4, 5).

В концевые петли удила вставлены железные псалии из прямоугольного в сечении прута с двумя отверстиями в восьмеркообразном расширении. Оба псалия имеют в верхней части зооморфные окончания в виде стилизованных головок ланей (?) (шейная часть украшена нарезным спиралевидным орнаментом). Нижние части заканчиваются раскованными, уплощенными лопастями подтреугольной формы (хвост птицы?) (Дл – 5; 4 см; Ш – 3,1; 3,4 см). У обоих экземпляров они имеют отверстия. По краям лопасти псалия № 1 пробито 6 отверстий (рис. 5, 2, 8). Лопасть псалия № 2 имеет одно отверстие. В отверстия были вставлены привески, сделанные из железной проволоки в 9 оборотов, накрученной на сердечник. Об этом можно судить по сохранившейся одной привеске, подвешенной к лопасти псалия № 1 (рис. 5, 8).

Интересной особенностью конского убора является оригинальный способ соединения с нащечными частями узды. Вместо ремней оголовья, раздвоенных на концах, крепящихся к псалиям (характерных для второй половины I тыс. до н. э.), псалии соединяются с нащечными кольцами посредством вилок, сделанных из прямоугольного в сечении железного прута (Дл – 12,5; 12,2 см).

Уплощенные концы раздвоенной части вилок (Дл – 4,5 см) вставлены в отверстия в восьмеркообразном расширении псалия. В качестве стопоров, удерживающих вилок в псалиях, использованы заклепки – железные выступы округлой формы (Д – 0,4–0,5 см) на уплощенной поверхности концов вилок (рис. 5, 7).

Для крепления повода предназначались железные кольца (Д – 3; 2,9 см), вставленные в концевые петли удила. Нащечные кольца (Д – 2,8; 3 см) соединены наносной дугой, сделанной из железного, прямоугольного в сечении прута (Д – 0,5 см). Радиус дуги – 12,5 см.

Деформированность дуги позволяет только приблизительно определить ее длину ~ 32–34 см. В середине стержня дуги, в уплощенном расширении, имеется отверстие (Д – 0,5 см).

Передняя часть (ротовая и нащечная) узды соединена с задней (налобной и затылочной) посредством железных, прямоугольных в сечении стержней (Дл – 24,5 см; Д – 0,5 см). Концевые петли стержней вставлены в железные кольца (Д – 2,5; 2,9 см), к которым крепятся железные (налобная и затылочная) дуги (Дл – 26–28 см). Возможно, налобная дуга соединялась кожаным ремнем с наносной дугой через отверстие в ее центральной части.

Кроме концевых петель стержней в первое кольцо (по отношению к всаднику) вставлен железный стержень (Дл – 8,5 см) с петлей на конце (Д – 1,2 см), а к левому кольцу прикреплен железная подвеска в виде якоря (Д – 4,8 см) (рис. 5,6). Скорее всего, якорь являлся застежкой, посредством которой стягивался подбородочный ремень, крепившийся к концевой петле стержня правого кольца. На левом конце подбородочного ремня имелось отверстие – продольный разрез, в который вставлялась застежка. При этом загнутые края якоря стопорили ремень в застегнутом положении.

Таким образом, железные детали конского убора выполняют функции кожаной уздечки: затылочного, налобного, наносного и подбородочного ремней, прикреплявшихся к нащечным ремням.

Следует предположить, что железная узда является каркасом для кожаной основы, к которой крепились бронзовые налобные и нащечные пластины.

Не исключена возможность изготовления таких уборов специально для лошадей, участвовавших в погребальной церемонии. Характерно, что у выявленных в насыпи нащечников фиксируются три петли, посредством которых пластины, возможно, крепились к данному или аналогичному каркасу.

Железные удила характерны для памятников второй половины I тыс. до н. э., но кольчатые удила с железными крестовидными насадками характерны для комплексов IV–III вв. до н. э. К.Ф. Смирнов ограничивал ареал распространения удил с такими насадками Северным Кавказом и главным образом Кубанью [31, с. 37]. Находки удил этого типа сосредоточены в грунтовых могильниках, а также в сарматских комплексах региона. На этом основании И.И. Марченко уверенно вы-

деляет Прикубанье как центр их производства, считая удила с насадками этого типа продукцией меотских мастеров [18, с. 175].

Скорее всего, такие устражающие экземпляры производились и в Центральном Предкавказье. Такой вариант устрожения узды в памятниках региона фиксируется уже в V–IV вв. до н. э. (мог. Брут, кург. 1; мог. Орджоникидзевский, кург. 2; комплекс № 2 у с. Шалушка и др.) [24, с. 525, рис. 115]. В начале 2000-х гг. на территории Малокарачаевского района Республики Карачаево-Черкесия трактористы, распахивающие поле, случайно наткнулись на святилище III в. до н. э. (?). Было выявлено большое количество железных предметов (в куче), в том числе около 100 удил с крестовидными насадками. Такие детали узды в Центральном Предкавказье характерны для склеповых захоронений III–II вв. до н. э. В частности, ряд подобных удил происходит из Мамайского могильника (юго-восточные окрестности г. Ставрополя). Еще одно удило с подобной насадкой находилось в числе инвентаря склепа № 2 Татарского I могильника (южные окрестности г. Ставрополя).

Бронзовые псалии, имеющие концы, оформленные в зверином стиле, характерны для памятников V–IV вв. до н. э. Однако в Центральном Предкавказье железные псалии небольших размеров с зооморфными окончаниями отмечены в материалах III – начала II в. до н. э. [24, рис. 119А, 120].

Случаи находок псалий с привесками нам неизвестны, но две подобные подвески (одна с бляшкой-лунницей), сделанные из скрученной бронзовой проволоки в 5,5 оборотов, были вставлены в отверстия края вышеотмеченной нащечной пластины, обнаруженной в числе материалов III – начала II в. до н. э. при изучении ритуальной площадки южной полы кургана № 1 могильника № 2 Татарского городища [23, рис. 132, 1]. Аналогичные железноводской подвески из скрученной проволоки зафиксированы на конских пластинчатых налобниках и нагруднике из ряда захоронений начала – первой половины II в. до н. э. Тенгинского грунтового могильника (погр. 140, 158) [5, с. 158–159, рис. 186].

Таким образом, железный конский убор из тризны около кургана «Каменная могила» датируется III–II вв. до н. э. и соотносится с

подобными материалами из склеповых могильников Ставропольской возвышенности и района Кавминвод. Этой дате не противоречит обнаруженный здесь в числе других видов вооружения (северо-западнее насыпи) меч без перекрестья с серповидным навершием. М.П. Абрамова подобные экземпляры из памятников Центрального Предкавказья отнесла к периоду III–I вв. до н. э. [1, с. 70]. По сведениям И.И. Марченко, все находки указанных мечей в Прикубанье укладываются в хронологические рамки второй четверти III – рубежа II–I вв. до н. э. [18, с. 51, 231, рис. 12].

Результаты. Более широкие датировки украшений, импортных керамических и стеклянных сосудов IV–II вв. до н. э. из камеры железноводской гробницы объясняются длительностью периода их накопления. Сюда могли попасть предметы, как захваченные в ходе военных набегов, так и полученные в результате ограбления богатых захоронений Северного Причерноморья. Наиболее близким по характеру украшений является Курджипский курган конца IV в. до н. э., а по набору импортов и деталей конского убора – отмеченное погребение 140 Тенгинского грунтового могильника, датированное Е.А. Бегловой и В.Р. Эрлихом началом II в. до н. э. [5, с. 158–159].

Очевидно, такая сложная в исполнении каркасная конструкция отмеченного конского убора из склепа «Каменная могила» является уникальной. Только представитель знати, имеющий очень высокий статус, мог позволить себе в качестве ритуального приношения такую особую узду. Значительное количество конских бронзовых налобников, возможно, символизирует присутствие посмертного табуна, что также подтверждает степень знатности погребенного (погребенных?). В Центральном Предкавказье пока известен только единственный случай включения в состав ритуальных приношений нескольких подобных пластин. Это упоминавшийся выше склеп № 1 могильника № 2 Татарского городища (3 налобные пластины, 2 нащечные). В процессе рассмотрения особенностей социальной организации носителей культуры склеповых захоронений мною оба памятника были причислены к страте № 2 (знать первого уровня) [25, с. 137]. И в том, и в другом случае фиксируются сложные погребальные конст-

рукции гробниц со значительным количеством ритуальных приношений. Этому не противоречит и сохранившийся набор погребального инвентаря из камеры склепа «Каменная могила»: золотые украшения (в том числе богатый погребальный костюм), чернолаковая и стеклянная посуда, в том числе дорогостоящая ахеменидская чаша, и др. Предметы имеют многочисленные аналогии в статусных захоронениях боспорской, меотской и скифской знати Северного Причерноморья и Северного Кавказа IV–II вв. до н. э.

БЛАГОДАРНОСТИ

* Выражаю искреннюю признательность коллективу Железноводского краеведческого музея за оказанное содействие в процессе изучения предметов из склепа «Каменная могила» и предоставленную возможность их публикации.

** Выражаю искреннюю признательность сотруднику Государственного Эрмитажа О.В. Горской за помощь в датировании чернолаковых изделий.

*** Выражаю искреннюю признательность сотруднику Государственного Эрмитажа Н.З. Куниной за определение форм стеклянных сосудов и за помощь в их датировании.

ACKNOWLEDGEMENTS

* I offer sincere appreciation to the team of the Zheleznovodsk local history museum for the assistance provided in the process of studying objects from the stone grave, and the possibility of their publication.

** I express my sincere appreciation to the employee of the State Hermitage O.V. Gorskoya for the help in dating vessels decorated with black varnish.

*** I express my sincere appreciation to the employee of the State Hermitage N.Z. Kunina for determining the forms of glass vessels and for help in their dating.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Д – диаметр; Дл – длина; Ш – ширина; Т – толщина.

² Мнение Н.З. Куниной.

³ Как считает Н.З. Кунина, стеклянные фрагменты напоминают стекло выдувных бальзамариев, но без пузырьков, что свидетельствует о том, что они, скорее всего, литые.

ПРИЛОЖЕНИЕ

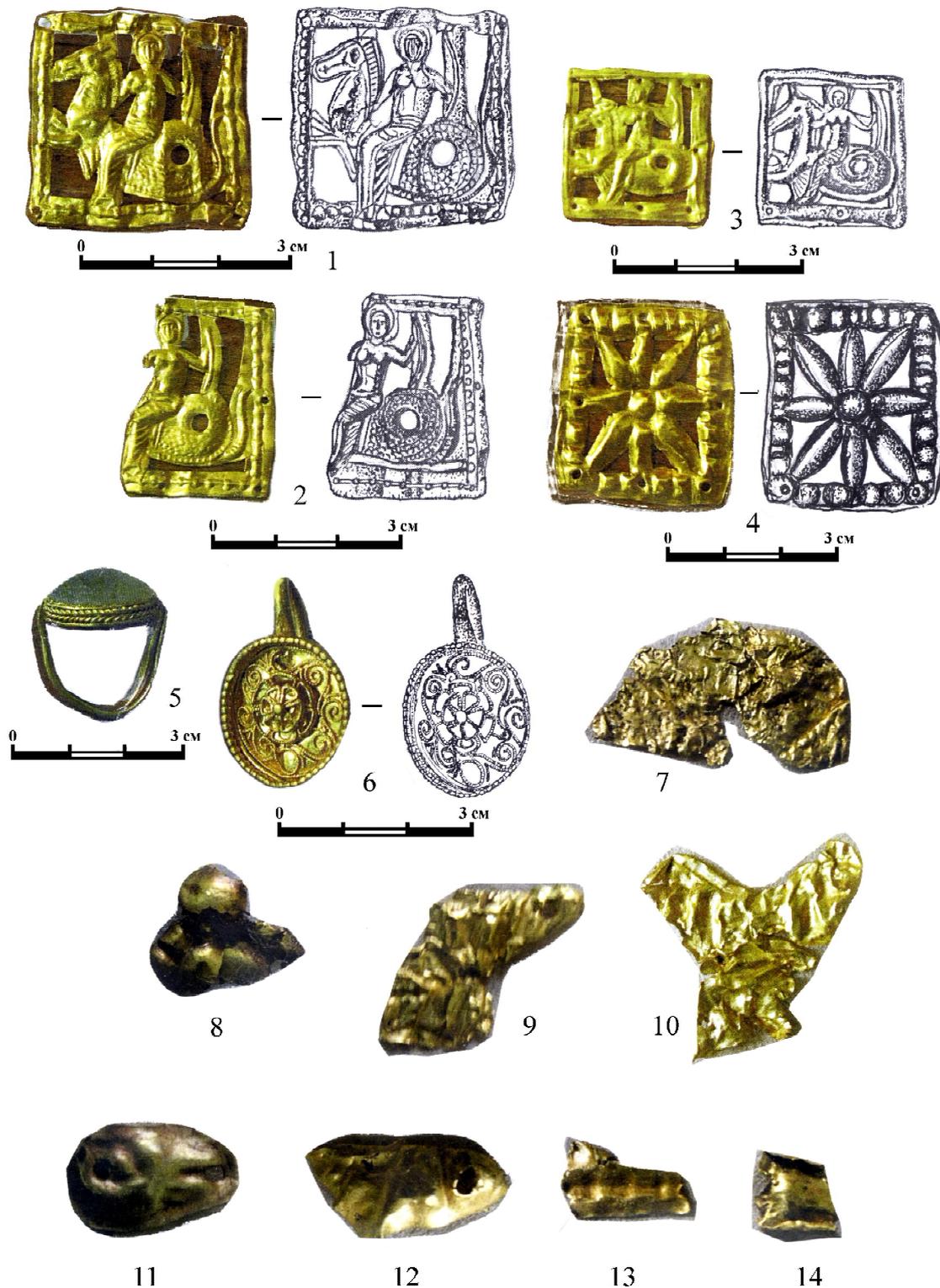

Рис. 1. Украшения из склепа «Каменная могила» (золото):
1–4 – бляшки; 5 – перстень; 6 – подвеска; 7, 9, 10 – фольга; 8, 11–14 – фрагменты пластин

Fig. 1. Decorations from the “Kamennaya mogila” (Stone Grave) crypt:
1–4 – plaques; 5 – a ring; 6 – pendant; 7, 9, 10 – foil; 8, 11–14 – fragments of plates. Everything is gold

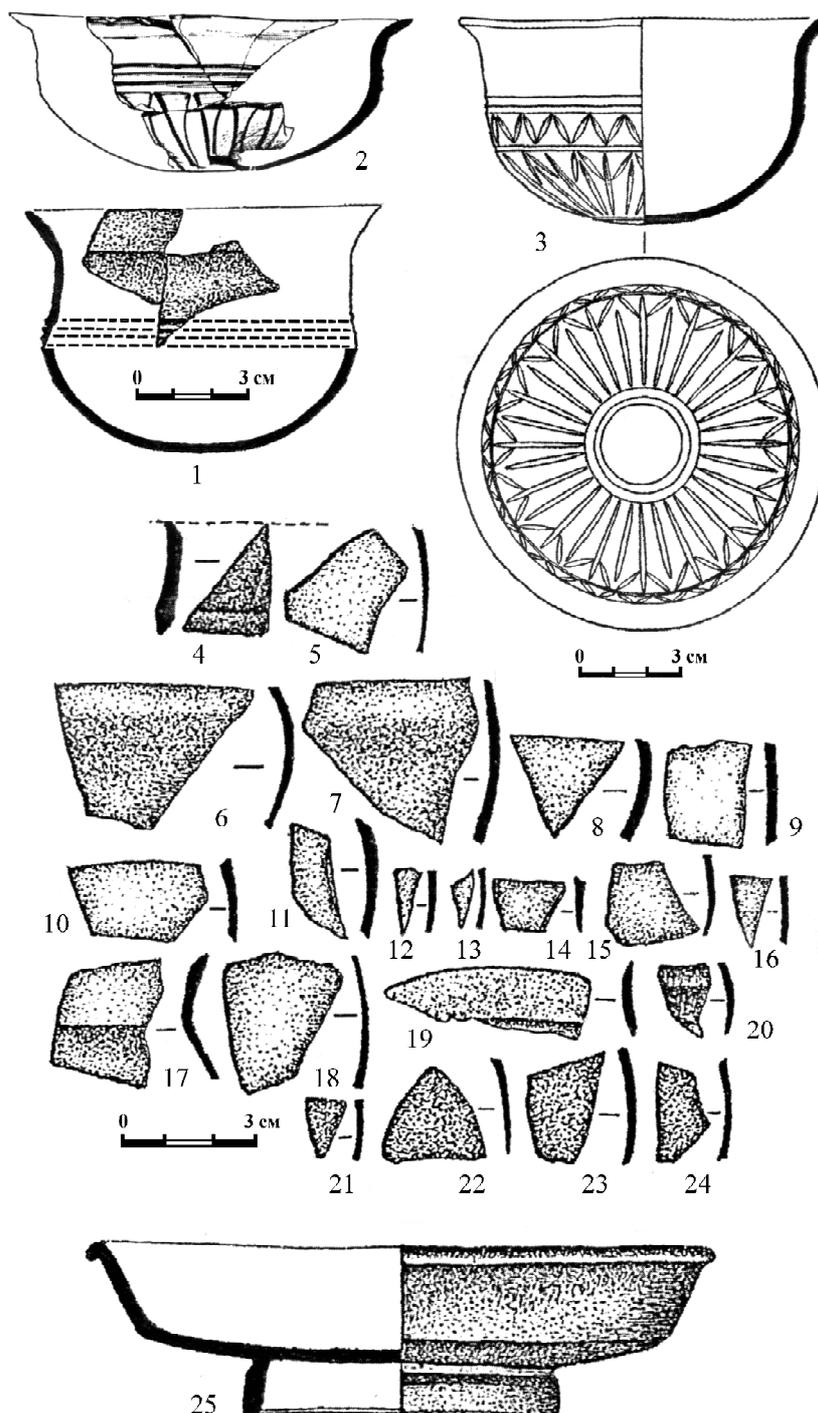

Рис. 2. Сосуды из склепа «Каменная могила» и аналогии им из памятников Северного Кавказа:
 1 – фрагменты чаши из склепа «Каменная могила»; 2 – чаша из Курджипского кургана (по: [7, с. 81]);
 3 – чаша из погребения № 652з могильника Старокорсунского городища № 2 (по: [16, с. 77, рис. 1,2]);
 4 – фрагмент поддона скифоса; 5–24 – фрагменты сосудов; 25 – тарелка из склепа «Каменная могила»: 1–24 стекло;
 25 – черноталовая керамика

Fig. 2. Vessels from the “Kamennaya mogila” (Stone Grave) crypt and analogies to them from the monuments of the North Caucasus:

1 – fragments of a bowl from the “Kamennaya mogila” (Stone Grave) crypt; 2 – a bowl from the Kurdzhips mound (after: [7, p. 81]); 3 – bowl from burial № 652z of the burial ground of Starokorsunsky settlement № 2 (after: [16, p. 77, fig. 1,2]); 4 – a fragment of a skiphos pallet; 5–24 – fragments of vessels;
 25 – plate from the “Kamennaya mogila” (Stone Grave) crypt: 1–24 glass; 25 – black-glazed ceramics

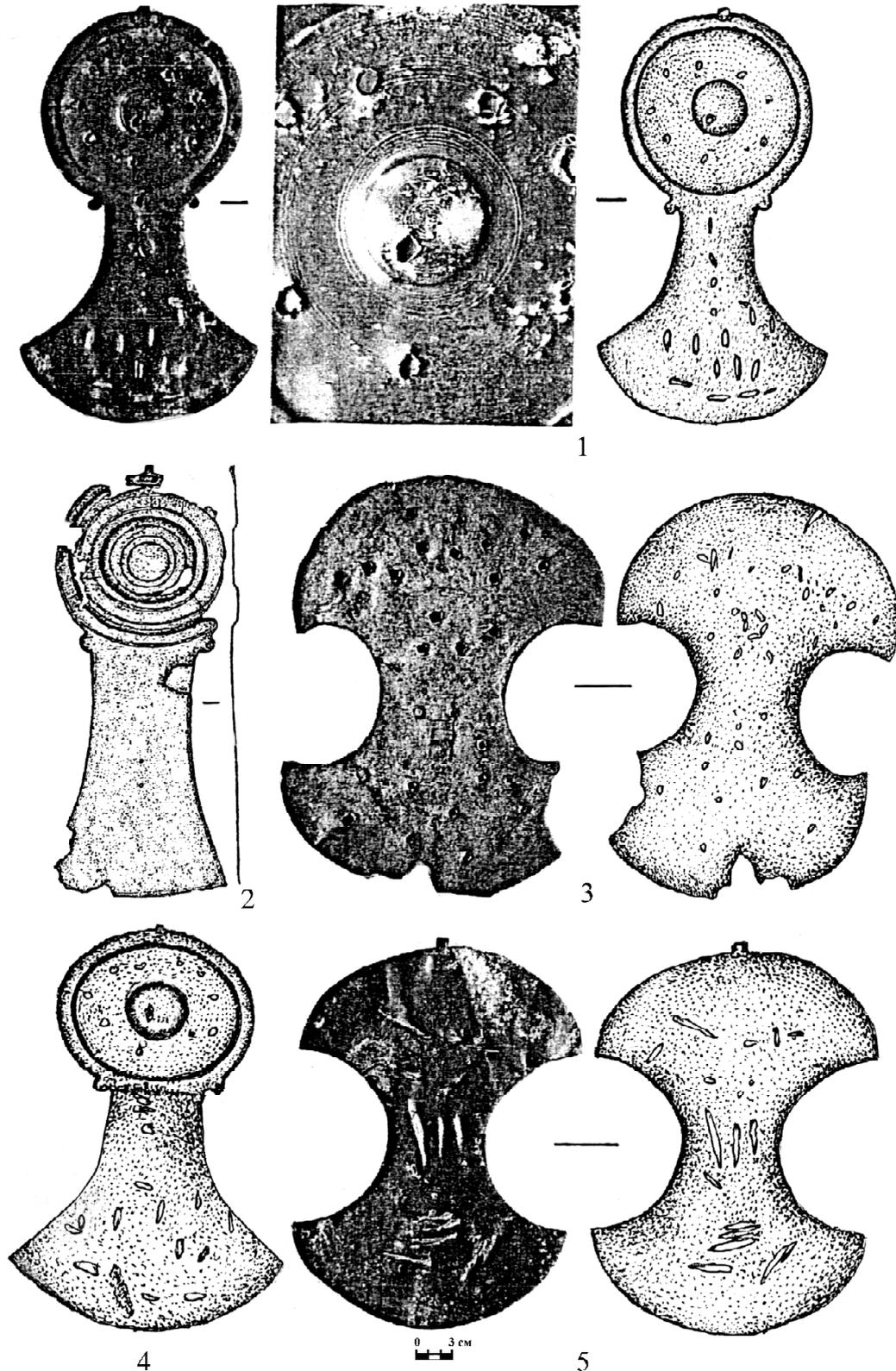

Рис. 3. Конские налобные пластины из склепа «Каменная могила» (бронза):

1, 3–5 – находка в 12 м юго-западнее кургана; 2 – юго-западный сектор кургана

Fig. 3. Horse forehead plates from the “Kamennaya mogila” (Stone Grave) crypt:

1, 3–5 – find located 12 m south-west of the mound; 2 – southwestern sector of the mound. Everything is bronze

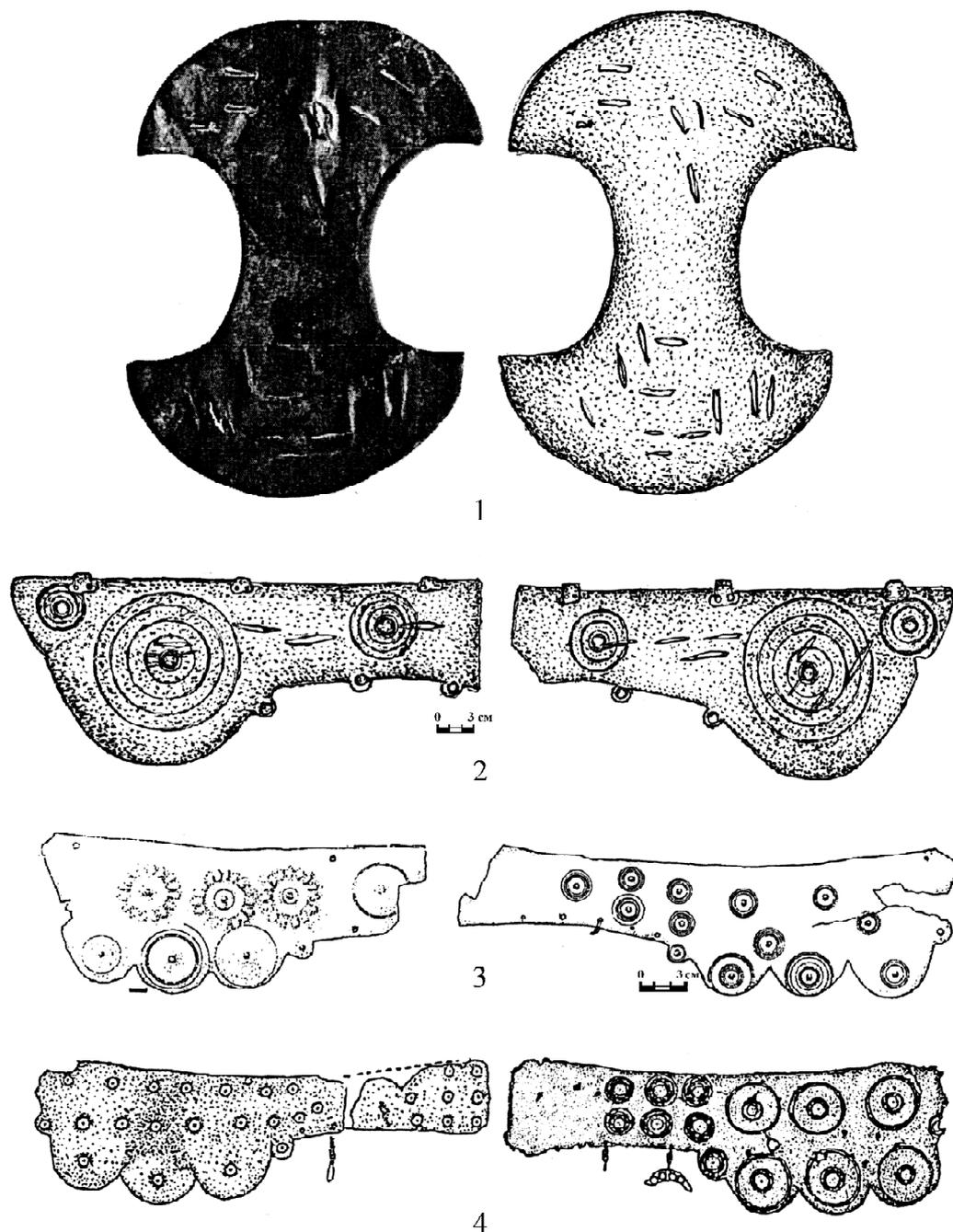

Рис. 4. Конские налобная и нащечные пластины и аналогии им из памятников Северного Кавказа (бронза):

1–2 – склеп «Каменная могила»; 3 – курган на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища (погр. 10, 21) (по: [26, с. 59, табл. 13,1; с. 65, табл. 19,1]); 4 – склеп № 1 могильника № 2 Татарского городища (по: [24, с. 544, рис. 132,1,2])

Fig. 4. Horse forehead and cheek plates and analogies to them from the monuments of the North Caucasus: 1–2 – “Kamennaya mogila” (Stone Grave) crypt; 3 – mound of cemetery IV of the Novolabinsky settlement (burial 10, burial 21) (after: [26, p. 59, tab. 13,1; p. 65, tab. 19,1]); 4 – crypt № 1 of burial ground № 2 of the Tatarsky settlement (after: [24, p. 544, fig. 132,1,2]). Everything is bronze

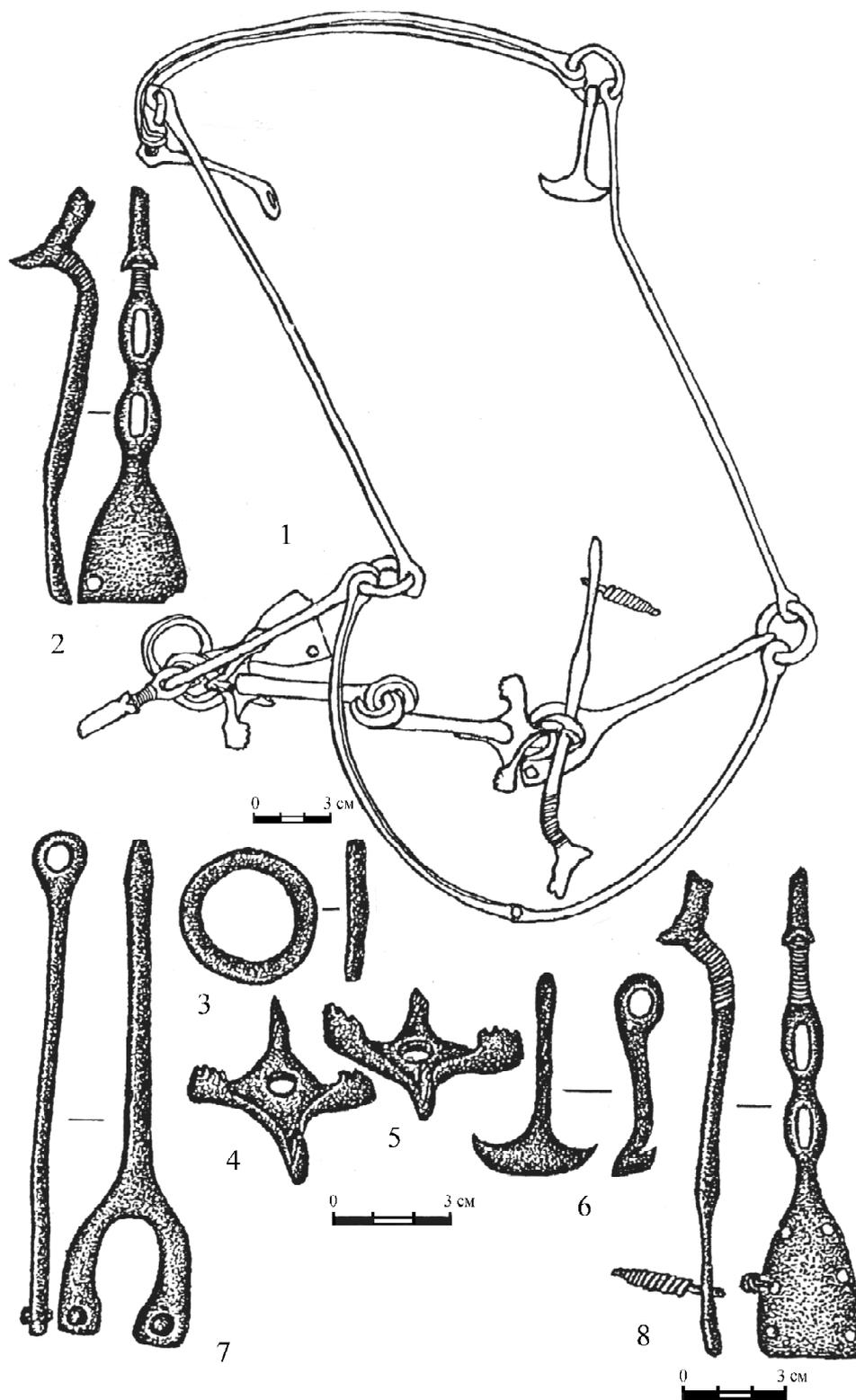

Рис. 5. Каркасная конская узда и ее детали из склепа «Каменная могила» (железо):

1 – каркасная узда; 2, 8 – псалии; 3 – кольцо; 4–5 – устрожающие насадки; 6 – вилка-стопер; 7 – застежка-якорь

Fig. 5. Frame horse bridle and its details from the “Kamennaya mogila” (Stone Grave) crypt:

1 – frame bridle; 2, 8 – cheekpieces; 3 – ring; 4–5 – friction nozzles; 6 – fork – stopper; 7 – clasp – anchor.
Everything is iron

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова, М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.) / М. П. Абрамова. – М. : ИА РАН, 1993. – 236 с.
2. Абрамова, М. П. Погребения сарматского времени из Ставрополя / М. П. Абрамова, В. Г. Петренко // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. – М. : ИА РАН, 1995. – 115 с.
3. Артамонов, М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа / М. И. Артамонов. – Прага : Артия ; Ленинград : Сов. художник, 1966. – 120 с.
4. Беглова, Е. А. Предметы конского убора из Тенгинского могильника / Е. А. Беглова // Материальная культура Востока. – 2002. – Вып. 3. – С. 157–169.
5. Беглова, Е. А. Меоты Закубанья в сарматское время по материалам тенгинского грунтового могильника / Е. А. Беглова, В. Р. Эрлих. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. – 383 с.
6. Галанина, Л. К. Стекланные сосуды из Курджипского кургана / Л. К. Галанина // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 1970. – № 12. – С. 38–46.
7. Галанина, Л. К. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н. э. / Л. К. Галанина. – Ленинград : Искусство, 1980. – 126 с.
8. Драгоценные камни. – Вильнюс : ИАВ «Bestiary», 2014. – 224 с.
9. Ждановский, А. М. Курган № 30 у аула Нечерзий / А. М. Ждановский // Раев, Б. А. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища / Б. А. Раев, Г. Е. Беспалый. – Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2006. – 109 с.
10. Зайцев, Ю. П. Погребение воина эллинистического времени в Предгорном Крыму / Ю. П. Зайцев, С. Г. Колтухов // Археология Крыма. – 1997. – Т. II (2/97). – С. 49–59.
11. Кинжалов, Р. В. Грустная Нереида / Р. В. Кинжалов // Кунсткамера. Этнографические тетради. – 1998. – Вып. 12. – С. 293–307.
12. Корнилов, Н. И. Ювелирные камни / Н. И. Корнилова, Ю. П. Солодова ; ред. Н. И. Гинзбург. – М. : Недра, 1983. – 238 с.
13. Купрій, С. О. Курган 6 могильника Водославка, поховання скіфськоп знаті / С. О. Купрій, О. В. Ліфантьї, О. В. Шелехань // Археологія і давня історія України. – 2019. – Вип. 4 (33). – С. 182–212.
14. Лимберис, И. Ю. Исследование меотосарматских могильников Старокорсунского городища № 2 / И. Ю. Лимберис, И. И. Марченко // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. – Ейск : Ейский историко-краеведческий музей, 1992. – С. 42–64.
15. Лимберис, И. Ю. Стекланные сосуды позднеллинистического и римского времени из Прикубанья / И. Ю. Лимберис, И. И. Марченко // Материалы и исследования археологии Кубани. – 2003. – Вып. 3. – С. 106–184.
16. Лимберис, И. Ю. Погребение со стеклянной чашей из могильника Старокорсунского городища № 2 / И. Ю. Лимберис, И. И. Марченко // Археологические вести. – 2016. – Вып. 22. – С. 76–88.
17. Лопатин А. П. К вопросу об античном керамическом импорте в Закубанье в VI–II вв. до н. э. / А. П. Лопатин, А. А. Малышев // Историко-археологический альманах. – 2002. – Вып. 8. – С. 37–42.
18. Марченко, И. И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани) / И. И. Марченко. – Краснодар : КГУ, 1996. – 326 с.
19. Масленицына, Е. С. Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья в конце V – IV в. до н. э. / Е. С. Масленицына // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг. Материалы по скифо-сарматской археологии. – М. : МГУ, 1993. – С. 57–68.
20. Меоты Закубанья в середине VI – начале III в. до н. э. Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы / А. М. Лесков [и др.]. – М. : ИА РАН, 2005. – 190 с.
21. Неверов, О. Я. Геммы античного мира / О. Я. Неверов. – М. : Наука, 1982. – 126 с.
22. Прокопенко, Ю. А. Железная конская узда позднескифского времени из кургана «Каменная могила» близ Железноводска / Ю. А. Прокопенко, Р. Р. Рудницкий // Из истории народов Северного Кавказа : сб. науч. ст. – Вып. 4. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2001. – С. 6–12.
23. Прокопенко, Ю. А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры во второй половине I тыс. до н. э. / Ю. А. Прокопенко. – Ч. I. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2014. – 442 с.
24. Прокопенко, Ю. А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры во второй половине I тыс. до н. э. / Ю. А. Прокопенко. – Ч. II. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2014. – 728 с.
25. Прокопенко, Ю. А. Особенности социальной организации носителей культуры склеповых захоронений III–I вв. до н. э. (по материалам могильников Ставропольской возвышенности и района Кавминвод) / Ю. А. Прокопенко // Stratum Plus. – 2018. – № 3. – С. 135–146.
26. Раев, Б. А. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища / Б. А. Раев, Г. Е. Беспалый. – Ростов-н/Д : ЮНЦ РАН, 2006. – 109 с.
27. Ростовцев, М. И. Античная декоративная живопись на юге России / М. И. Ростовцев. – СПб. : Императ. археол. комиссия, 1914. – 86 с.

28. Симоненко, А. В. О сарматском завоевании Скифии / А. В. Симоненко // Нижневолжский археологический вестник. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 27–49. – DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.ivolsu.2018.1.2>

29. Скорый, С. Большой Рыжановский курган / С. Скорый, Я. Хохоровски. – Киев : ФООП «Видавель Олех Філюк», 2018. – 246 с.

30. Скрипник, Т. А. Головной убор скифянки из Елизаветовского курганного могильника / Т. А. Скрипник // Донская археология. – 1999. – № 2. – С. 76–84.

31. Смирнов, К. Ф. Северский курган / К. Ф. Смирнов. – М. : Наука, 1953. – 286 с.

32. Тункина, И. В. Некрополь Феодосии: «раскопки» И. К. Айвазовского (1853 г.) / И. В. Тункина // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых. – СПб. ; Красноярск : ЛИТЕРА-принт, 2012. – С. 48–70.

33. Шауб, И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.) / И. Ю. Шауб. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. – 483 с.

34. Grose, D. Fr. The Toledo Museum of Art Early Ancient Glass / D. Fr. Grose. – New York : Hudson Hill Press, 1989. – 454 p.

35. Pfrommer, M. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks / M. Pfrommer. – Tübingen : Wasmuth, 1990. – (Istanbuler Forschungen; Bd. 37). – 470 S.

36. Rotroff, S. Hellenistic pottery Athenian and imported wheelmade table ware and related material / S. Rotroff // The Athenian Agora. Princeton. V. XXIX. № 89. – Princeton ; New Jersey : The American School of Classical Studies at Athens, 1997. – 979 p.

37. Saldern, A. Achaemenid and Sassanian Cut Glass / A. Saldern // *Ars Orientalis*. – 1963. – Vol. 5. – P. 7–16.

REFERENCES

1. Abramova M.P. *Centralnoe Predkavkazie v sarmatskoe vremya (III v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Central Ciscaucasia in Sarmatian Times (3rd Century BC – 4th Century AD)]. Moscow, IA RAN, 1993. 236 p.

2. Abramova M.P., Petrenko V.G. Pogrebeniya sarmatskogo vremeni iz Stavropoliya [Burials of the Sarmatian Time from Stavropol]. *Pamyatniki Evraii skifo-sarmatskoy epohi* [Monuments of Eurasia of the Scythian-Sarmatian Era]. Moscow, IA RAN, 1995. 115 p.

3. Artamonov M.I. *Sokrovischa skivskih kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Treasures of the Scythian Burial Mounds in the Collection of the State Hermitage]. Prague, Artiya Publ.; Leningrad, Sovetskiy hudozhnik Publ., 1966. 120 p.

4. Beglova E.A. Predmeti konskogo ubora iz Tenginskogo mogilnika [Horse Accessories from the Tengin Burial Ground]. *Materialnaya kultura Vostoka* [Material Culture of the East], 2002, iss. 3, pp. 157-169.

5. Beglova E.A., Ehrlich V.R. *Meoty Zakubaniya v sarmatskoe vremya po materialam tenginskogo gruntovogo mogilnika* [Meots of Trans-Kuban Region in Sarmatian Time Based on Materials from Tengin Soil Burial Ground]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018. 383 p.

6. Galanina L.K. Steklyannie sosudi iz Kurdhipskego kurgana [Glass Vessels from the Kurdzhipskiy Mound]. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum], 1970, no. 12, pp. 38-46.

7. Galanina L.K. *Kurdzhipskiy kurgan. Pamyatnik kulturi prikubanskih plemen IV v. do n.e.* [Kurdzhipskiy Mound. Cultural Monument of the Kuban Tribes of the 4th Century BC]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1980. 126 p.

8. *Dragocennie kamni* [Gems]. Vilnuys, IAV «Bestiary» Publ., 2014. 224 p.

9. Zhdanovskiy A.M. Kurgan № 30 u aula Necherziy [Kurgan No. 30 Near the Village of Necherziy]. Raev B.A., Bepaliy G.E. *Kurgan skifskogo vremeni na gruntovom mogilnjke IV Novolabinskogo gorodischa* [Scythian Mound at the Ground Burial Ground of the 4th Novolabinsky Settlement]. Rostov-on-Don, YuNTs RAN, 2006. 109 p.

10. Zaicev Yu.P., Koltuhov S.G. Pogrebenie voina ellinisticheskogo vremeni v Predgornom Krimu [Burial of a Warrior of the Hellenistic Time in the Piedmont Crimea]. *Arheologiya Kryma* [Archeology of Crimea], 1997, vol. 2 (2/97), pp. 49-59.

11. Kinchalov R.V. Grustnaya Nereida [Sad Nereid]. *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi* [Kunstkamera. Ethnographic Notebooks], 1998, iss. 12, pp. 293-307.

12. Kornilov N.I., Solodova Yu.P. *Yuvelirnie kamni* [Jewelry Stones]. Moscow, Nedra Publ., 1983. 238 p.

13. Kupriy S.O., Lifantiy O.V., Schelehan O.V. Kurgan 6 mogilnika Vodoslavka pohovaniya spifskoi znati [Mound 6 of the Vodoslavka Cemetery, Burial of the Scythian Nobility]. *Arheologiya i davnya istoriya Ukraini* [Archeology and Ancient History of Ukraine], 2019, iss. 4 (33), pp. 182-212.

14. Limberis I.Yu., Marschenko I.I. Issledovanie meoto-sarmatskih mogilnikov Starokorsunskogo gorodicha № 2 [Exploration of the Meoto-Sarmatian Burial Grounds of the Starokorsunskoe Settlement No. 2]. *Arheologicheskie raskopki na Kubani v 1989–1990 godah* [Archaeological Excavations in the Kuban in 1989–1990]. Eisk, Eisky istoriko-kraevedcheskiy muzei, 1992, pp. 42-64.

15. Limberis I.Yu., Marschenko I.I. Steklyannie sosudi podneellinisticheskogo i rimskogo vremeni iz Prikubania [Glass Vessels of the Late Hellenistic and Roman Times from the Kuban Region]. *Materialy i issledovaniya arheologii Kubani* [Materials and Research of Archeology of the Kuban], 2003, iss. 3, pp. 106-184.

16. Limberis I.Yu., Marschenko I.I. Pogrebenie so steklyannoï chaschei iz mogilnika Starokorsunskogo gorodisha № 2 [Burial with a Glass Bowl from the Burial Ground of the Starokorsun Settlement No. 2]. *Arheologischeskie vesti* [Archaeological News], 2016, iss. 22, pp. 76-88.

17. Lopatin A.P., Malishev A.A. K voprosu ob antichnom keramicheskom importe v Zakubanie v VI–II vv. do n.e. [On the Issue of Antique Ceramic Imports to Trans-Kuban Region in the 6th – 2nd Centuries BC]. *Istoriko-arheologicheskii almanah* [Historical and Archaeological Almanac], 2002, iss. 8, pp. 37-42.

18. Marchenko I.I. *Siraki Kubani (po materialam kurgannih pogrebeniy Nizhnei Kubani)* [Siraki Kuban (Based on Materials From Burial Mounds of the Lower Kuban)]. Krasnodar, KGU, 1996. 326 p.

19. Maslennicina E.S. Nekotore stilisticheskie gruppi pamyatnikov v iskusstve Prikubania v konce V – IV v. do n.e. [Some Stylistic Groups of Monuments in the Art of the Kuban Region at the End of the 5th – 4th Centuries BC]. *Grakovskie chteniya na kafedre arheologii MGU 1989–1990 gg. Materiali po skifo-sarmatskoi arheologii* [Grakov Readings at the Department of Archeology of Moscow State University 1989–1990. Materials on Scythian-Sarmatian Archeology]. Moscow, MGU, 1993, pp. 57-68.

20. Leskov A.M., Beglova E.A., Ksenofontofa I.V., Erlih V.R. *Meoty Zakubaniya v seredine VI – nachale III v. do n.e. Nekropoli u aula Ulyap: pogrebalnie kompleksi* [Meots of Trans-Kuban Region in the Middle of the 6th – Beginning of the 3rd Century BC. Necropolis Near the Ulyap Aul: Burial Complexes]. Moscow, IARAN, 2005. 190 p.

21. Neverov O.Ya. *Gemmi antichnogo mira* [Gems of the Ancient World]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 126 p.

22. Prokopenko Yu.A., Rudnickiy R.R. Zheleznaya koskaia usda pozdneskifskogo vremeni iz kurgana «Kamennaya mogila» bliz Zheleznovodska [Late Scythian Iron Horse Bridle from the “Kamennaya Grave” Mound Near Zheleznovodsk]. *Iz istorii narodov Severnogo Kavkaza: sb. nauch. st.* [From the History of the Peoples of the North Caucasus. Collection of Scientific Articles]. Stavropol, Izd-vo SGU, 2001, iss. 4, pp. 6-12.

23. Prokopenko Yu.A. *Skifi, sarmati i plemena kobanskoi kulturi vo vtoroi polovine I tis. do n.e.*

[Scythians, Sarmatians and Tribes of the Koban Culture in the Second Half of the 1st Millennium BC]. Stavropol, Izd-vo SKFU, 2014, part 1. 442 p.

24. Prokopenko Yu.A. *Skifi, sarmati i plemena kobanskoi kulturi vo vtoroi polovine I tis. do n.e.* [Scythians, Sarmatians and Tribes of the Koban Culture in the Second Half of the 1st Millennium BC]. Stavropol, Izd-vo SKFU, 2014, part 2. 728 p.

25. Prokopenko Yu.A. Osobennosti socialnoi organizatsii nositelei kulturi skleповih zahoroneniï III–I vv. do n.e. (po materialam mogilnikov Stavropolskoy vozvischennosti i raiona Kavminvod) [Features of the Social Organization of Carriers of the Culture of Crypt Burials of the 3rd – 1st Centuries BC (Based on Materials From the Burial Grounds of the Stavropol Upland and the Kavminvod Region)]. *Stratum Plus*, 2018, no. 3, pp. 135-146.

26. Raev B.A., Bepaliy G.E. *Kurgan skifskogo vremeni na gruntovom mogilnje IV Novolabinskogo gorodisha* [Scythian Mound at the Ground Burial Ground of the 4th Novolabinsky Settlement]. Rostov-on-Don, YuNTs RAN, 2006. 109 p.

27. Rostovcev M.I. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis na yuge Rossii* [Antique Decorative Painting in the South of Russia]. Saint Petersburg, Imperatorskaya arheologicheskaya komissiya, 1914. 86 p.

28. Simonenko A.V. O sarmatskom zavoevanii Skivii [On the Sarmatian Conquest of Scythia]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 27-49. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.1.2>

29. Skoriy S., Hohorovski Ya. *Bolschoi Richanovskiy kurgan* [Big Ryzhanovsky Kurgan]. Kyiv, FOP «Vidavez Oleg Filuk», 2018. 246 p.

30. Skripnik T.A. Golovnoy ubor skifyanki iz Elizavetovskogo kurgannogo mogilnika [Headdress of a Scythian Woman From the Elizavetovsky Burial Mound]. *Donskaya arheologiya* [Don Archeology], 1999, no. 2, pp. 76-84.

31. Smirnov K.F. *Severskiy kurgan* [Seversky Mound]. Moscow, Nauka Publ., 1953. 286 p.

32. Tunkina I.V. Nekropol Feodosii: «raskopki» I.K. Aivazovskogo (1853 g.) [The Necropolis of Feodosia: “Excavations” by I.K. Aivazovsky (1853)]. *Evraziyskiy arheologo-istoriograficheskii sbornik. K 80-letiyu Sergeya Vladimirovicha Kuzminykh* [Eurasian Archaeological and Historiographic Collection. To the 60th Anniversary of Sergei Kuzminykh]. Saint Petersburg, Krasnoyarsk, LITERA-print Publ., 2012, pp. 48-70.

33. Schaub I.Yu. *Mif, kult, ritual v Severnom prichernomorie (VII–IV vv. do n.e.)* [Myth, Cult, Ritual in the Northern Black Sea Region (7th – 4th Centuries BC)]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2007. 483 p.

34. Grose D.Fr. *The Toledo Museum of Art Early Ancient Glass*. New York, Hudson Hill Press, 1989. 454 p.

35. Pfrommer M. *Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks*. Tübingen, Wasmuth, 1990. 470 p. (Istanbuler Forschungen. Bd. 37).

36. Rotroff S. Hellenistic pottery Athenian and imported wheelmade table ware and related material. *The Athenian Agora*. 5. 29. No. 89. Princeton, New Jersey, The American School of Classical Studies at Athens, 1997. 979 p.

37. Saldern A. Achaemenid and Sassanian Cut Glass. *Ars Orientalis*, 1963, vol. 5, pp. 7-16.

Information About the Author

Yury A. Prokopenko, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of Social Philosophy and Ethnology, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355009 Stavropol, Russian Federation, z_proko_15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7060-5054>

Информация об авторе

Юрий Анатольевич Прокопенко, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355009 г. Ставрополь, Российская Федерация, z_proko_15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7060-5054>